

МОТИВ «НЕОБЫКНОВЕННОГО» И ЕГО ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В «РАССКАЗАХ 1922–1924 ГОДОВ» М. ГОРЬКОГО

М. А. Березняцкая

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 16 марта 2017 г.

Аннотация: в статье представлены отдельные мотивы «Рассказов 1922–1924 годов», выделенные в научных трудах известных исследователей творчества М. Горького. Рассмотрен мотив «необыкновенного» как один из ведущих мотивов книги, непосредственно связанный с ее темой, концепцией (идеей) и практически не изученный литературоведами. Исследована его роль в структуре повествования и организации сюжета произведений. Выявлены способы реализации эстетической функции мотива «необыкновенного» в «Рассказах 1922–1924 годов».

Ключевые слова: мотив «необыкновенного», М. Горький, книга «Рассказы 1922–1924 годов», персонаж, образ, эстетическая функция.

Abstract: this article presents various motifs of «Stories of 1922–1924», highlighted in scientific treatises of the most known researchers of Maxim Gorky's works. The motif of «unusual» is addressed as one of the leading motifs of the book, directly related to its theme, concept (idea), and virtually not studied by literary scholars. Its role in the narration structure and in the plot organization of the works is scrutinized. The ways of manifestation of the aesthetic function of the motif of «unusual» in «Stories of 1922–1924» are elicited.

Key words: the motif of «unusual», M. Gorky, the book «Stories of 1922–1924», character, character sketch, aesthetic function.

В научных трудах большинства исследователей творчества Максима Горького, в том числе «Рассказов 1922–1924 годов», были представлены отдельные мотивы произведений, вошедших в состав книги.

В. И. Баранов выделил «старый горьковский мотив: не унижать человека жалостью». Именно он, по мнению исследователя, стал ведущим мотивом «Рассказа о безответной любви» [1, 78].

Е. Б. Тагер подчеркнул важную роль мотива «игры» в рассказе «Отшельник», который проявляется в описаниях природы и в удивительных речах главного персонажа пильщика Савелия. Как считает литературовед, именно в нем «обретаются ценности, без которых бедна и бессмысленна человеческая жизнь» и при помощи него наиболее полно раскрывается образ отшельника [2, 195]. В «Рассказе о герое», по мнению Е. Б. Тагера, центральным мотивом является мотив «миф о «герое»», а в «Караморе» — мотивы перехода героя рассказа от «подвига» к «подлости» [2, 201–203].

О. С. Сухих выделила в рассказах книги мотивы «Легенды о великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского: «антиномия «истина» или «сострадание» («Отшельник»), мотив принятия греха на себя и связанного с этим страдания («Рассказ о безответной любви»), деление людей на сильных и слабых и мысль о праве сильных, «знающих тайну», на

«перестройку человечества по новому штату» во имя счастья, «успокоения» всех и атеизм и опора на человеческий, «эвклидовский разум» («Рассказ о герое»)» [3, 138–141].

В научных трудах Т. М. Пшеничнюк подробно проанализированы мотивы «Рассказов 1922–1924 годов». Отметив в главном персонаже рассказа «Отшельник» пильщике Савелии «языческое», «природное начало», выделенное мотивами «дитя» и «игра», исследователь делает вывод о том, что эти мотивы приобретают в следующих семи рассказах «противоположное значение — искусственное, призрачное, рассудочное» [4, 9]. В «Рассказе о герое» при помощи мотивов «игра» и «дитя» окарикатуриваются образы Новака и Макарова, различаются по типологическому признаку персонажи рассказов «Отшельник» (Савелий), «Карамора» (Петр Каразин), «Рассказ о безответной любви» (Петр Торсуев). Эти мотивы группируют персонажей в пределах цикла. В рассказе «Анекдот» мотив «игры», соединяясь с другими мотивами, характеризует отношения людей в обществе. В «Рассказе о необыкновенном» выделен мотив «огня», в котором выражена «мысль о животворящем начале и разрушающем, о силе природной и сотворенной человеком». Но ведущий мотив всех «Рассказов 1922–1924 годов», как считает Т. М. Пшеничнюк, — «мотив «пыли», отражающий всё мертвое, застойные явления жизни, искусства» [4, 12].

Н. Л. Лейдерман отмечает, что «одним из сквозных мотивов рассказов становится мотив «игры»» [5], приобретающий буквальное значение в «Рассказе о безответной любви», связанном с миром театра. «В других рассказах мотив «игры» становится двигателем психологического сюжета. И от рассказа к рассказу в нем раскрываются все более зловещие смыслы» [5].

Таким образом, литературоведами практически не исследован мотив «необыкновенного», пронизывающий «Рассказы 1922–1924 годов», и его роль в структуре повествования и организации сюжета произведений. Существуют лишь отдельные упоминания о нем.

В. К. Панков считал, что основная мысль «Рассказа о необыкновенном» — утверждение «необыкновенности обыкновенного» [6], которое опроверг Е. Б. Тагер и доказал, что в рассказе «обыкновенное» противопоставлено «необыкновенному». «Он (В. К. Панков) не прав, когда в позднее написанных «Рассказах о героях» видит развитие и углубление «Рассказа о необыкновенном». Нет, «Рассказы о героях» (в особенности первый из них) написаны в прямой полемике с «Рассказом о необыкновенном»» [2, 196]. Е. Б. Тагер также отметил, что центральным мотивом рассказа является идея «опрощения» жизни, вражды к «необыкновенному», которой с ревностью предается Яков Зыков, услышавший ее впервые в тюрьме от старого сектанта. То есть, по мнению исследователя, мотив «необыкновенного» — основной в рассказе.

В научных работах Т. М. Пшеничнюк не рассматривается мотив «необыкновенного» как один из ведущих мотивов, а только разграничивается жизненный путь главного действующего лица рассказа «Голубая жизнь» Константина Миронова на «обыкновенный» или «необыкновенный». Перед «свободным сиротой» Мироновым стоит сложный выбор, как жить: своею волей или божьей, пойти дорогой отца, Каллистрата («необыкновенное») или Розанова («обыкновенное») [4, 12].

И все-таки одним из ведущих мотивов книги «Рассказы 1922–1924 годов» Максима Горького является мотив «необыкновенного». В ходе повествования следует обратить внимание на то, что слово «необыкновенный» или его формы присутствуют в каждом из рассмотренных рассказов. В отдельных произведениях автором используются синонимы слова «необыкновенный» — «необычный», «необычность» («Рассказ о безответной любви», «Карамора», «Анекдот»), «невозможный» («Отшельник»), «странный», «особенный», «удивительный» («Рассказ о безответной любви»).

В рассказе «Отшельник», открывающем книгу, пильщик Савелий употреблял словосочетание «невозможная красавица», когда говорил о своей дочери Татьяне. Представ перед судом, он восхищался ее

красотой: «Гляжу — Таша тоже пришла, — в рукавичках, сапожки на ней, необыкновенно все!» [7, 239]. Все предметы одежды Татьяны — это «фигурки естества жизни», по мнению Якова Зыкова («Рассказ о необыкновенном»), которые необходимо исключить из человеческой жизни. «Все эти галстуки, застежки, ленты, кружева и всякие фигурки украшения естества жизни я отчисляю от человека» [7, 533].

В «Рассказе о безответной любви» рассказчик, введенный в повествование, представил читателю Петра Торсуева как странного человека, вызывающего недоумение, удивление своей необычностью: «странные глаза» у Петра, «странный человек Торсуев — чудак», и, посмотрев на него, сделал вывод о том, что «особенные человечки», «удивительные люди водятся на Руси».

В повествовании дается подробное описание деталей интерьера комнаты Торсуева-старшего, в которой он знакомил рассказчика с семнадцатью годами своей жизни. В его жилище много «необыкновенных» вещей, так называемых «украшений естества жизни»: букет высушенных цветов в бронзовой вазе, старинный граненый графин, стол с серебряными подсвечниками, гитара с украшенным лентой грифом, большая раскрашенная фотография артистки Добрыниной в черной с белым траурной раме, увенчанной серебряным венком. Все вещи в комнате Петра Торсуева источали «странный запах» и напоминали ему о любимой женщине «необыкновенной» красоты Ларисе Добрыниной. По словам Петра, Лариса Антоновна была очень красива: «Почтительно любуюсь ее необыкновенной красотой, я никаких вольностей себе не смел позволить» [7, 277]. В интерьере комнаты Добрыниной было тоже «все очень необычно»: столы, поставленные из угла в угол комнаты, цветы, рассыпанные по столу, прямо на скатерть. Это отметил Петр Торсуев, пришедший к Ларисе Антоновне на новоселье.

В «Рассказе о герое» М. Горький прибегает к сравнению «обыкновенного» Макарова с «необыкновенным» Рудометовым. Сын судебного следователя, красавец, силач и пьяница Рудометов всегда смотрел на других людей «с пренебрежением необыкновенного человека и ворчал что-то поистине необыкновенное» [7, 321]. В юности Макаров возвел Рудометова в ранг «героев», и тот, в свою очередь, предстал перед читателями в ореоле своих «достоинств». «Герой» Рудометов входил в число тех, кого Яков Зыков сильно желал превратить в обыкновенных людей, «а сословия, — попов, купцов, чиновников и вообще господ, — запретить, уничтожить особым законом» («Рассказ о необыкновенном») [7, 528]. Но статус «героя» был утрачен Рудометовым в момент упоминания об одной детали — желтом пакете. Его исчезновение вызвало у Рудометова чувство, уравнявшее его с Макаровым: страх. Развенчан в повествовании и «необыкновенный», по мнению патро-

на Макарова, учитель истории Милий Новак. Он также претендовал на статус «героя», но в определенных обстоятельствах испугался, поэтому и пополнил ряды обыкновенных людей.

В рассказе «Карамора» перед читателем снова предстают действующие лица с «необыкновенностью» во внешности. Это «странный человечек из интеллигентов», который подробно рассказывал Петру Каразину о Христе: «Длинный, сухой, с несчастной бородкой, на висках седые волосы <...> Молодили его глаза, необыкновенно лучистые...» [7, 371]. Однако библейские нравственные ценности вызвали сомнения у Караморы, и он, в свою очередь, возражал «человечку с необыкновенными» глазами и высказывал свои суждения о Боге, «распятом за нас»: «Будь бог — разве люди таковы были бы» [7, 375]. В этих словах Каразина слышны отголоски суждений Якова Зыкова, который считал, что в Бога верит «негодница людская, враги наши» («Рассказ о необыкновенном»).

«Необыкновенностью» отличалась и девушка Каразина — товарищ Саша, любившая «украшения естества жизни»: «Была она маленькая, круглая, веселая <...> бойко топали стройные ноги в голубых чулках. У нее вообще было пристрастие к голубому: кофточки, бантики, зонтики, в комнате на столах какие-то коробки, на стенах — картинки, всё голубое» [7, 381]. Не будь в жизни Караморы «необыкновенной» Саши, возможно, не совершил бы он самосуд над провокатором Поповым.

«Необыкновенность» отражения своего лица отметил центральный персонаж рассказа «Анекдот» Егор Быков, узнав от врача, что его болезнь запущена и очень опасна. «Молча проводив доктора до двери, Быков <...> взглянул в зеркало, там необыкновенно четко отразилось узкое костлявое лицо...» [7, 404]. Думы о скорой смерти заставили взрослого и солидного по своему социальному статусу человека задуматься о тщетности своей жизни и бесполезности нажитого «тратой сил и хитростью ума». Егор Иванович Быков напоминал Трофима Боева — хозяина Якова Зыкова, человека кряжистого, «характера тяжелого, скопидома и богомола из таких, которые живут фальшиво...» («Рассказ о необыкновенном») [7, 524]. Зыков сразу невзлюбил Боева и его семью за строгость и жадность, а особенно за «бессмысленность необыкновенного труда», все продукты которого он так яростно отрицал.

Егор Быков замечал «необыкновенность» не только в собственном лице, но и в речи своего троюродного племянника Якова Сомова — одного из кандидатов на роль наследника имущества, нажитого «необыкновенным трудом». Племянник Егора Ивановича говорил задумчиво, «необыкновенно громко», будто выступал свидетелем в суде. В его интересной речи было «необыкновенное сочетание глупости и ума». Постепенно Быков начал понимать,

что взгляды племянника на жизнь и представления о ней были прямо противоположны его собственным представлениям, вот откуда и появилась «необыкновенность» речи.

В рассказе «Голубая жизнь» перед читателем вновь предстают «необыкновенные» люди: отец и любимая девушка центрального персонажа Константина Миронова, а также столяр Каллистрат Крюков.

Тощий с весело горевшим глазом чахоточный отец представлялся Миронову человеком необыкновенным: «он <...> во всем — в слове и деле — был необыкновенный человек» [7, 467]. Отец Константина был полной противоположностью грузной крикливой, всегда полупьяной жене. Отец казался сыну «необыкновенным» еще и потому, что его представления о Боге не совпадали с взглядами богомольной матери. Ему очень нравилась «мелкая, затейливая работа: выпиливание рамок для фотографий, починка гармошек, склеивание разбитых скрипок...» [7, 469]. Все эти предметы как раз и относились к «фигуркам естества жизни», которые полностью отрицал Яков Зыков («Рассказ о необыкновенном»).

По мнению Е. Б. Тагера, «ироническое чудачество отца Миронова» — это самое острое и содержательное в рассказе. «В его фокусах, глобусе, играющем «Чижика», в затейливо-насмешливых подарках жене и язвительных шутках звучит грустное подтрунивание над глупостью, злостью, нелепостью жизни» [2, 209]. «Поток ласковых звуков» музыкального глобуса, сделанного отцом, утешал Константина Миронова и как бы отстранял его от скучной и серой жизни.

По словам М. Горького, образ-символ музыкального глобуса — одной из «фигурок естества жизни» — является наиболее важным в структуре повествования. В письме В. Ф. Ходасевичу от 13 июля 1924 года он высказал следующую мысль: «Написал рассказ, в котором глобус, примерное изображение земного шара, вертятся вокруг оси, наигрывает: «Чижик, чижик, где ты был?»» Через несколько лет Горький утверждал, что «в «Голубой жизни» интересен только глобус, который играет чижика» [8, 308–309]. Н. Н. Примочкина считает, что этот образ «голубоватого тренькающего шара» сопоставлен самим Горьким с образом статуи богини справедливости из рассказа «Енблема», которую отправили в сумасшедший дом. Эти символы абсурдности бытия, по определению автора, связаны с третьим символом парадоксального мироустройства: сумасшедшим домом, где Миронов смог обрести свою мечту о райской жизни» [8, 309]. Обратившись в письме к С. Н. Сергееву-Ценскому, Горький в иронической форме высказался: «Сергей Николаевич, ей-богу, это блестящая идея: отправить богиню справедливости в сумасшедший дом! Оцените! А в другом рассказе, «Голубая жизнь», у меня гло-

бус — сиречь земной шар — «Чижика» играет» [9, Т. 1, 71]. Все-таки этот музыкальный глобус, играющий «Чижика», олицетворяет зло, как и картина «Смерть грешника», подаренная отцом Миронова его матери, и образ столяра Каллистрата Крюкова.

Смерть отца усугубила замкнутость Константина Миронова, и его мысли переросли в мечты о «необыкновенном», но что оно собой представляло, вряд ли юноша мог ясно сформулировать даже для самого себя. «Необыкновенным» стал для него голубой город Париж, в котором нет ничего непонятного и жизнь легка и проста. С этим городом мечты связаны и «необыкновенные приключения», «необыкновенные сочетания звуков французской грамматики». Даже во внешнем облике и речи любимой девушки Лизы Розановой, которая была для Миронова голубой мечтой, присутствовала «необыкновенность»: «Лиза Розанова понравилась Миронову в первый день Пасхи <...>, маленькая, стройная и в то же время пышная, как необыкновенный цветок» [7, 471]. «Он видел перед собой тоненькую девушку в голубом платье, слышал её речь, необыкновенно приятно говорила она» [7, 507]. Но его голубая мечта о браке с «необыкновенной» Лизой осуществилась в тот момент, когда Миронов превратился в заурядного, ничем не примечательного человека.

Поистине злым гением Миронова стал «необыкновенный» столяр Крюков. Острый блеск «необыкновенных» глаз Каллистрата, насмешливых и хитрых, «вызывал впечатление укола иглой. Человеку с такими глазами ни в чем нельзя верить» [7, 479]. Движения Крюкова были также необыкновенно легки. Вся улица боялась странного озорства «необыкновенного» столяра. Он пугал обывателей своими внешне безобидными, но не постижимыми с точки зрения здравого смысла выдумками: покрыл сметаной забор около своего дома в день похорон матери Миронова, рисовал на его доме нелепые фантастические существа, наводил порядок в запущенном домашнем хозяйстве юноши, пытался женить его на своей племяннице. Так едкий, насмешливый, ироничный Крюков пытался выделиться среди окружающих, потому что был уязвлен скукой и однообразием провинциальной жизни городка. Яков Зыков («Рассказ о необыкновенном») называл таких «необыкновенных» людей, как Крюков, обманщиками. «Все вы обманщики. Ты — особенности добиваешься, необыкновенности, ты себя отделить от людей хочешь. А беда-то, грех-то жизни в том и скрыт, что каждый хочет быть особенным, отличия ищет» [7, 527]. Вся череда деяний столяра так угнетала Миронова, что тот сошел с ума. Но даже в период своего психического заболевания Константин говорил пришедшему к нему фельдшеру Исакову с «какими-то необыкновенно желтыми глазами»: «Это он (Столяр) вас привел? <...> Он — необыкновенный» [7, 512–513].

Также стоит обратить внимание не только на «необыкновенность» отдельных деталей интерьера, портретных и речевых характеристик горьковских персонажей «Рассказов 1922–1924 годов», но и на «необыкновенные» мысли некоторых из них. В «Рассказе о безответной любви» мысли Николая Торсуева казались его брату Петру «необыкновенными» и даже в чем-то «необычными». Их «обилие и печаль» вызывали особый интерес у Торсуева-старшего и при этом несколько удивляли его. Суть «необыкновенных» мыслей заключалась в свободе. Недаром Николай сказал однажды брату: «Я не любви хочу, а свободы...»

Торсуев-старший боялся остаться один на один с собой, с жизнью, потому что перспектива самостоятельного выбора страшилась его. Петр постоянно соотносил свои поступки и мысли с «необыкновенными» думами брата Николая, в которых чувствовалось лишь одно — желание свободы, самостоятельных поступков и решений.

Нельзя не отметить и тот факт, что многие горьковские персонажи с «необыкновенностью» во внешнем облике преждевременно уходят из жизни. Очень рано умерли «необыкновенная» Таша — дочь пильщика Савелия («Отшельник») и «необыкновенный» в слове и деле отец Константина Миронова («Голубая жизнь»). Скончалась от мучительной болезни женщина «необыкновенной» красоты, провинциальная драматическая актриса Лариса Добрынина, так и не дождавшаяся своего блестящего успеха на сцене («Рассказ о безответной любви»). При очень странных обстоятельствах трагически погиб «необыкновенный» Рудометов, утративший в глазах Макарова свое величие героя («Рассказ о герое»). Николай Торсуев, так мечтавший о свободе, покончил с собой («Рассказ о безответной любви»). Смерти вышеперечисленных горьковских персонажей являются свидетельством того, что «необыкновенные» люди не могут жить на этой земле «по теории упрощения жизни» Якова Зыкова («Рассказ о необыкновенном»). Смысл ее заключается в уничтожении всего «необыкновенного», в обращении всех жителей земли в обыкновенных людей и устранении «всевозможных штучек» — «фигурок украшения естества жизни». Поэтому-то и «необыкновенный» Милий Новак («Рассказ о герое») продолжает свою жизнь, но становится самыми обыкновенными серым обывателем.

Один из современников М. Горького — литературный критик А. К. Воронский в статье «О Горьком» отметил, что «Яков Язёв (Зыков) из «Рассказа о необыкновенном» <...> утверждает: всё зло на земле и несправедливость оттого, что люди хотят необыкновенного и не могут понять, что спасение в простоте» [10, 374]. Простой — это и есть «обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других, заурядный» [11, 807]. Яков Зыков

упрощает себя и опрощается, отказавшись от веры в Бога, а в дальнейшем и от знания, и выучки.

В «Рассказе о необыкновенном», по словам литературоведа Е. Б. Тагера, «обыкновенное» противопоставлено «необыкновенному». С этим утверждением нельзя не согласиться. Поэтому в «Рассказах 1922–1924 годов», наряду с «необыкновенными» персонажами с «необыкновенностью» во внешности, речи и мыслях, присутствуют и самые «обыкновенные».

В рассказе «Отшельник» перед читателем предстает «обыкновенный» Олеша, пришедший к Савелию за утешением. Он говорил о себе, как о человеке со злым сердцем, буйном, страдавшем от неудач. На что Савел уверенно и спокойно отвечал: «Сердце у тебя обыкновенное, человечье, тревожное сердце, — тревоги оно не любит, покою просит...» [7, 252]. И Олеша соглашался с ним, и «его угрюмое, разбойничье лицо» преображалось «в глуповато-добродушную рожу обыкновенного, избяного зверя» [7, 253].

Как отмечал Петр Торсуев («Рассказ о безответной любви»), «необыкновенная» женщина оригинальной красоты Лариса Добрынина произносила самые «обыкновенные» слова: «В местах, особенно рассчитанных на жалость, я ей не верил, но когда она говорила обыкновенные, житейские слова, я вспоминал оценку невесты моей, да, Лариса Антоновна — человек для себя, а не для театра!» [7, 273]. «Эго» Добрыниной было сильнее любви к ближнему, потому что она пыталась заставить любить себя на сцене, но так и не смогла снизить до тех, перед кем играла.

В рассказе «Карамора» самой «обыкновенной» была жизненная история провокатора Попова-Попенко, над которым совершил самосуд Петр Каразин: «Он (Попов) рассказал довольно обыкновенную историю: с третьего года в партии, дважды сидел в тюрьме, в шестом году участвовал в вооруженном восстании, был арестован на улице» [7, 384]. Попов, во внешнем облике которого не было никакой «загадки», никакой проблемы, преодолев недолгие угрызения совести за то, что сделал, предал революцию и поступил служить в охранное отделение. Начальник охраны Симонов, как отмечал Карамора, удивлял его не только «обыкновенностью» во внешности, но и в действиях и поступках: «Он (Симонов) встал, налил вина и, стоя затылком ко мне, разглядывал вино на свет, досадно обыкновенный человек, в этот час — более обыкновенный, чем всегда» [7, 400]. Симонов, как и Яков Зыков («Рассказ о необыкновенном»), был самым обыкновенным, потому что много раз советовал Караморе прочитать «Жизнь животных» Брема и повторял, что на него оказали дурное влияние интеллигенты, которым свойственно все «необыкновенное». По мнению Якова Зыкова, интеллигенты жили «необыкновенной» жизнью: придерживались «необыкновенности» в еде, любили разнообразные «необыкновенные» штучки.

Итак, на страницах книги «Рассказы 1922–1924 годов» читатель знакомится с «обыкновенными» и «необыкновенными» персонажами — натурами разноплановыми, которые не поддаются однозначным оценкам. Максим Горький подчеркивает в произведениях «необыкновенность», «необычность» отдельных деталей интерьера, портретных и речевых характеристик действующих лиц, их мыслей, поступков и выносит мотив «необыкновенного» в заглавие заключительного произведения книги — «Рассказа о необыкновенном». Центральный персонаж этого рассказа — Яков Зыков как раз руководствуется идеей «упрощения» жизни, суть которой заключается в устранении всего «необыкновенного» и «обращении всех жителей земли в обыкновенных людей».

Рассмотрев мотив «необыкновенного», пронизывающий «Рассказы 1922–1924 годов», и выявив его эстетическую функцию в описаниях обстановки, портретов, характеров, речи, действий и поступков горьковских персонажей, можно сделать вывод о том, что он является одним из ведущих мотивов книги. Этот мотив непосредственно связан с темой и общей идеей рассказов — интересом к человеку, представленному в различных проявлениях своей природы. Мотив «необыкновенного» повторяется внутри отдельных произведений, переходит из одного в другое в разных вариациях, способствует развитию повествования и выражению идейной глубины отдельных образов. Также следует отметить, что мотив «необыкновенного» в одних рассказах является свободным, статическим, не меняющим ситуации, присутствующим в описаниях интерьеров, внешности, мыслей и речи действующих лиц («Отшельник», «Рассказ о безответной любви», «Карамора», «Анекдот»), а в других динамическим — центральным движущим мотивом фабулы, определяющим ситуацию, действия и поступки персонажей («Рассказ о герое», «Голубая жизнь», «Рассказ о необыкновенном»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов В. И. Горький без грима. Тайна смерти / В. И. Баранов. — М.: Просвещение, 1996. — 528 с.
2. Тагер Е. Б. Творчество Горького советской эпохи / Е. Б. Тагер. — М.: Наука, 1964. — 378 с.
3. Сухих О. С. Мотивы «Легенды о Великом Инквизиторе» Ф. М. Достоевского в творчестве М. Горького: дис. ... канд. филол. наук / О. С. Сухих. — Нижний Новгород, 1996. — 207 с.
4. Пшеничнюк Т. М. Социальная и эстетическая природа рассказов М. Горького 1922–1924 годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Пшеничнюк. — Свердловск, 1987. — 19 с.
5. Лейдерман Н. Л. Непрочитанный Горький / Н. Л. Лейдерман // Урал. 2008. №7. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/ural/2008/7/le13.html> (дата обращения 17.01.2017).

6. Панков В. К. Горький и советская действительность / В. К. Панков. — М. : Моск. рабочий, 1968. — 350 с.

7. Горький М. Рассказы 1922–1924 годов / М. Горький // Полное собрание сочинений: в 25 томах. — М. : Наука, 1973. — Т. 17. Заметки из дневника. Воспоминания. Рассказы 1922–1924 годов. — 1973. — 631 с.

8. Примочкина Н. Н. В поисках обновления / Н. Н. Примочкина // Неизвестный Горький: Сб. науч. тр. —

М. : Наследие, 1994. — С. 301–314.

9. Горький М. Переписка Горького: в 2 томах / М. Горький. — М. : Худ. литература, 1986. — 474 с.

10. Воронский А. К. Литературно-критические статьи / А. К. Воронский. — М. : Сов. писатель, 1963. — 386 с.

11. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Оникс, 2005. — 1200 с.

Российский университет дружбы народов

Березняцкая М. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка инженерной академии

E-mail: marinaselezneva@inbox.ru

Peoples' Friendship University of Russia

Bereznyatskaya M. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of Russian Language Department of Engineering Academy

E-mail: marinaselezneva@inbox.ru